

Ирина МИШИНА

Цена прощения

Рассказ

Он был такой зовуще белый. Той самой аристократичной белизны с легким налетом кремового, что даже на глаз казалась бархатистой, приглашающей руку к ласке. От него пахло заграницей, даже не нужно было и видеть всех этих иностранного вида печатей и выведенного корявой рукой обратного адреса. Имя отправителя, однако, вводило в ступор. Она качнулась на стуле, протянув руку за спину, чтобы открыть холодильник - все-таки есть свои преимущества у маленьких пространств. Плеснула вина в бокал, с раздражением поморщившись от виноватой мысли о том, что сейчас все еще утро, а она уже пьет. Но! В конце концов, сегодня – суббота! Имеет она право наконец расслабиться? Заглотив побольше, как будто боялась, что сейчас ее удовольствие у нее отнимут, она с непониманием уставилась на лежащий перед ней конверт.

Имя определенно принадлежало ее бывшему мужу. Хоть она и не сильна была в иностранных языках, ну что она, совсем тупая, русское имя, написанное латиницей, прочитать не сумеет? Но только, что он делал в Штатах? Последний раз, когда они общались - Господи, а когда же это было? год назад? нет больше... два? как время летит, однако; - он был в каком-то Тьму-Тараканьске, и вынашивал очередной безумный проект, что, согласно ее многолетнему опыту, означало, что он преимущественно лежал на диване, размышляя о том, насколько он крут, и мечтая о том дне, когда о его крутости узнает, наконец, мир. В Тьму-Тараканьске ему было самое место. Но Калифорния?

Она с опаской дотронулась до конверта, сама не зная, чего она опасалась. Как будто оттуда сейчас выпрыгнет призрак антракса, чтобы враз отомстить ей за все те многочисленные прегрешения, в которых он ее обвинял неоднократно за долгие годы их совместной жизни. Прегрешений действительно было много, но и он был тоже не подарок. И она вздохнула с облегчением, когда его, наконец, не стало рядом. Хотя и мало кому в этом признавалась. Тьму-Тараканьск - такой хороший повод пожаловаться на бессилие, жестокость судьбы и на то, что все мужики - козлы, которые только и могут, что наделать детей, а потом убежать от ответственности. И даже денег от них хрен добьешься. Ну в самом деле, чего еще можно ожидать от человека, который живет в Тьму-Тараканьске? Калифорния в этот образ никак не вписывалась.

- Маааам, а чего это у тебя?

Ее четырнадцатилетняя дочь стояла в дверном проеме, все еще в пижамных шортиках и маечке, хотя подъем и завтрак имели место быть уже энное количество часов назад. Она быстро накрыла ладонью конверт, и хлебнула еще вина.

- Ничего, не твое дело, - рыкнула как можно строже, хотя в последнее время это имело все меньше и меньше эффекта. Переходный возраст, чтоб его.

Дочь обиженно скосила рот, нахмурила брови и посмотрела на нее укоризненно.

- Ты опять пьешь.

- Малявка еще мне тут указывать. Хочу пью, хочу не пью. У меня выходной. Иди лучше оденься. Рассекаешь тут голяком. Неприлично.

Девочка по театральному тяжело вздохнула, склонив голову набок.

- Мне одеть нечего, - сказала она с нарочитой грустью, устремив на мать пропитанный всемирной тоской взор.

Она захлебнулась вином, к которому как раз в тот момент приложилась.

- Чееее? Ты чего, охренела, мать? Полный шкаф вещей, вешать некуда, а ей одеть нечего!

Дочь плаксиво сморщила носик.

- Мааам! Я не могу это надеть. Это все нелэйбовое, или уже не в тренде. Меня девчонки засмеют. Ну мааам! Мне нужна новая одежда.

В уголках глаз подростка скопились настоящие слезы, но она-то знала цену этим слезам. Она и сама так умела. Настал момент померяться силами, кто более крутой манипулятор, мать или дочь? Проникаясь образом, она драматично прикрыла лицо ладонью. Слезы приходили легко. В конце концов, ну разве она - не несчастная жертва несправедливых обстоятельств?

Несколько минут дочь смотрела настороженно на мать. Та не поднимала глаз, лишь одинокая слеза небрежно катилась по щеке.

- Мааам, - в голосе дочери начала пробиваться неуверенность.

- Ты совсем в гроб загнать меня хочешь? Ну где я тебе сейчас возьму деньги на новую одежду? Я и так вкальваю как лошадь, - и она всхлипнула для пущей убедительности.

Девочка кинулась, чтобы обнять мать.

- Мааам, ну не надо, не плачь. Ну прости меня! Ладно, хорошо, не надо мне ничего покупать, я как-нибудь так похожу. Ну не плачь.

Она тяжело вздохнула, и похлопала дочь по плечу.

- Вот и иди, одевайся. Хватит тут голой задницей сверкать, взяла привычку.

Оставшись одна, она вновь уставилась на конверт. Надо было бы его, наверное, вскрыть, но было страшно. Она попробовала просмотреть конверт на свет, но бумага была добротная, плотная и ничего, сволочь, не просвечивала. Она подумала было плеснуть себе еще вина, для храбрости, но бутылка оказалась пустой. Открывать новую в одиннадцать часов утра уже определенно казалось признаком алкоголизма, поэтому она выругалась, но сжала зубы, удерживая себя от соблазна. Вскрыть конверт руки не поворачивались. Требовалась поддержка тяжелой артиллерии. Она потянулась к телефону, потом долго выбирала ракурс, чтобы сфотографировать конверт как-нибудь похудожественнее.

Слава богу, Лариска оказалась к телефону близко. "Ни хрена себе!" - удивился ватсапп, рассыпаясь смешными рожицами, призванными отражать эмоциональное состояние собеседника.

"Вот и я о том же..."

"Сколько времени от него ничего не было слышно?"

"Я не помню, года два. Чего от него, козла, слышать? Толку никакого. Он же думает, детям нужна исключительно духовная пища, им не нужно ни есть, ни пить, ни одежду покупать. Мне надоело выпрашивать у него деньги, которых у него все равно никогда не было и не будет - деньги же на диване не растут."

“Все они одинаковые.”

“Не говори. Ты прикинь, что моя дылда сейчас выкинула. Полный шкаф вещей, а она приходит плакаться - ей видите ли, надеть нечего. Ее вещи недостаточно лэйбовые. Так бы и прибила мерзавку, только дай над матерью поиздеваться. Даже не знаю, что делать, она же ведь еще слезу пустит неоднократно, чтобы я ей очередную тряпку купила. Дурочка с переулочка, корова толстая.”

“Ээээ, дорогая, крепись. Теперь у тебя такое будет, пока она не вырастет.”

“Бл*, мне ее выпускать через два года. Я повешусь.”

“А что там твои-то?”

“Да ну их всех на фиг, придурков этих. Гурзуев только контролирует каждый шаг, а денег не дает, гад. Хоть подарки дарит, и на том спасибо. А Пашка, он... Пашка.”

“Никогда не могла понять твоей слабости к этому нищоброду.”

“Он хороший”.

“Хороший. И нищий. Но видимо трахается хорошо.”

“Иди на фиг, с*ка!”

“Ладно, ладно, вернемся к нашим баранам. Что твой бывший делает в Калифорнии???”

“Вот и я о том же !!!”.

“А че конверт не вскроешь?”

“Страшно”.

“Страшно, это когда тебя трахают не туда и не тем. Что там, антракс что ли? Давай открывай!”

И вотсапп замер в ожидании. Она тоже замерла. Руки дрожали. Пальцы еще раз погладили бархатистую поверхность. Ей почему-то вспомнилось их первое свидание. У него были очень шершавые пальцы, его мозоли корябали ее кожу. Она лежала и думала о том, как ей это не нравилось, но продолжала позволять себя трогать. Как она вышла за него замуж?

Ладно, конверт в конце концов не девственница, чего с ним носиться? Она решительно подцепила пальцами кончик приклеенного треугольника, и края мягко, легко, даже изящно, совсем по иностранному, заскользили, отделяясь друг от друга. Все еще дрожащими пальцами, вытащила из конверта тоненький, гладкий, голубоватый прямоугольник.

- Е*аааать, - она отбросила бумажку подальше, как будто на ней действительно могла быть страшная шпионская зараза. Решительно полезла в шкаф за новой бутылкой - радикальные обстоятельства требуют радикальных действий. Плевать на то, что утро, и на то, что, возможно, она и так уже алкоголик. Она долго боролась с пробкой, которая никак не хотела вылезать из бутылки, поцарапалась штопором, и со слезами на глазах принялась высасывать палец, в попытках остановить кровь. Все так же с пальцем во рту она вернула свой взгляд к голубому шелковистому прямоугольнику, небрежно откинутаго на край стола. Поглядывая на него с некоторой опаской, взяла в руки телефон. Вотсапп здесь был уже не помощник, здесь требовалась прямая связь.

- Имей в виду, это должно быть что-то очень важное, дорогая, потому что знала бы ты, от чего ты меня отвлекаешь, - голос Лариски был томным, с хрипотцой. Где-то

из глубин кибернетических пространств доносилась чилаутная музыка и еле различимый, сливающийся в одно, гул голосов. Лариска была, видимо, на охоте. Умеют некоторые отдыхать, однако.

- Он прислал мне чек.

- Дурак он что ли? Что ты с ним делать будешь? Как его здесь обналаживать?

Точно там все в Штатах мозгами двинулись.

- Лариска... Он на лимон баксов...

- Чееее??? Откуда у него такие деньги?

- Не знаю...

- Может он так над тобой издевается? Типа знает, что ты его все равно здесь нигде не обналажишь, вот и прислал в насмешку, ничем не рискуя? О боже, кажется, мне нужно срочно выпить.

- Я уже пью, - она вылила в себя сразу пол бокала, поморщившись от отрыжки.

- Слушай, а там еще чего-нибудь нет, помимо чека? Письма какого-нибудь?

- Щас посмотрю, - она заглянула в конверт, пошарила там, и с удивлением уставилась на маленький квадратный листок, из тех, что используют секретарши для записывания всякой нужной информации, чтобы не забыть в течение дня. На листке, увенчанном, как звездой во лбу, каким-то корпоративным логотипом, одиноко красовалась короткая фраза.

- Ну что там? - раздался нетерпеливый голос Лариски на том конце провода.

- Ничего, - она поспешно закинула наглый листок обратно в конверт, - нет ничего. Только чек.

- Таааак, - в стратегической Ларискиной голове явно заработал схемопостроительный процесс. - Значит так, дорогая, сиди на попе смирно. Я тебе перезвоню. Пойду-ка я кой с кем побеседую. - И в трубке раздалась короткая гудка.

Чек, скромно забившись в уголок, злобно сверкал на нее с противоположного края стола своими нулями. От вида этих нулей у нее начало тянуть внутри живота. Приступ тошноты накрыл так внезапно, что она еле успела добежать до туалета. Пока она обнималась с унитазом, ей вспомнился последний раз, когда она вот так же интимно общалась с фаянсовым другом. Ну, сейчас-то, слава богу, она точно не беременна. Вот они, позитивные последствия печальных событий.

- Маааам, - голос дочки звучал растерянным, и даже испуганным, - ты чего?

Не меняя позы, она посмотрела снизу вверх на свою четырнадцатилетнюю дурынду.

- Мааам, тебе плохо? - обеспокоенное чадо в предверии паники ухватило за дверной косяк, а она рассматривала эту такую нежелательную похожесть, и что-то в груди заходило от нежности.

- Ничего, доча, все нормально, - она раскинула руки, приглашая к объятию. Ребенок кинулся к матери, и какое-то время они сидели на холодном полу, обвинившись, покачиваясь, две одинокие, никем не понятые женщины. Ну, по крайней мере, каждая из них себя считала таковой. Но сидеть у унитаза это, конечно же, не ахти какое удовольствие, и ребенок в конце концов ушел к подруге, ответив на очередные уговоры одеться поприличнее привычным плаксивым "Ну, мааам!".

На кухне настойчиво тренькал вотсапп, и она бросилась к телефону, прикидывая, что, наверное, Лариска разузнала что-нибудь - знакомства та водила разнообразные, и до неимоверия полезные. Но это был Гурзуев:

“Как там моя киска?”

Настало время, однако, приобщить очередных свидетелей к траектории ее скромных дней. Она несколько раз поменяла место для съемки в поисках наиболее интересного фона, испробовала целый ряд неповторимых выражений лица, ни одним до конца не удовлетворившись. Традиционные губки бантиком. Изящный наклон головы. Томный взгляд. Эх, не хватает какой-нибудь подружки рядом, чтобы корчила страшные рожи, оттеняя ее фотогеничную красу. Для контраста, так сказать. Ну что есть, то есть. Проб было сделано много, пока, наконец, выбранный снимок не был таки отправлен в кибернетические дали в целях поддержания мужского интереса к ее драгоценной персоне. К фотке она добавила:

“Киска в печали. Киску терроризирует дочь. Шмотки у нее недостаточно брендовые. Слезы рекой. А у меня что, зарплата резиновая????”

“А киска по мне скучает?”

Вот они, мужики. Сам небось еще из супружеской постели не выбрался, а все туда же. Скучают ли по нему, великому самцу всех стран и народов?

“Киска очень скучает. Прямо целыми днями. Ми-ми-ми.” И нимбы над головой, и поцелуйчики, и сердечки, и всякие другие рожицы - вот как она скучает.

“Хорошая киска.”

Еще бы!!! Где ты еще такую дуру найдешь? И покладистую, и без запросов. Лишних вопросов не задает, на все соглашается.

“Ну, во вторник постараюсь выбраться. Спроси у дочки, чего ей хочется. Я посмотрю. Надо беречь кискины нервы.” И рожицы, и поцелуйчики, и все остальное, как полагается.

А вот это уже другой разговор! Юная мерзавка, конечно, такого не заслужила, но хоть хныкать перестанет. На время хотя бы. А во вторник мы его еще на что-нибудь раскрутим.

Подумав немного, она послала ту же самую фотку Пашке. От того, что тот прислал в ответ, бросило в жар и захотелось курить. Все они, мужики, одинаковые. Козлы козлиные. Но некоторые, правда, слишком уж хороши в своей козлиности. Пока она курила, стоя у окна, ей вспомнилось о том, как вот так же она стояла и курила, день за днем, одинокая, у окна на лестничном пролете в больнице после выкидыша, высматривая в окно, когда же наконец появится ее благоверный. Благоверный так и не появился, зато появился Пашка, брутальный и великолепный, на оседланной машине скорой помощи. Они курил с мужиками во дворе, и она вышла, как была - в халате и тапочках, не покрашенная и лохматая, - стрельнуть у них сигарет для себя и соседок по палате. На следующий день он привез ей два блока и покорила ее рассказами про Чечню и неудержимым напором страсти. Благоверный, чья нога так и не ступила на территорию больницы за все время ее там пребывания, был наконец-таки изгнан и с дивана, и из ее жизни. А Пашка... Эх, что уж тут говорить, козлы они и есть козлы.

Телефон разразился трелью. На сей раз это была-таки Лариска.

- Мааааать! - голос подруги разрывался от возбуждения, - Прикинь, а твой бывший-то, оказывается, теперь крут до невероятности!

- Чеее? - крутым он был, это да. Только в некоей параллельной реальности, которая существовала лишь в его голове.

- Слушай, он теперь этот, как они называются... стартапщик!

- Чеее?

- Не чёкай. Я же рассказываю. Короче, замутил он какой-то бизнес там, в Калифорнии, раскрутил неплохо. Какие-то там инновации, технологии. Мне объясняли, я не поняла ничего. Ты посмотри сама в Интернете. Набери его имя английскими буквами, там весь Интернет его фотками завален.

- Какой еще бизнес? - единственный бизнес, в котором он за всю свою жизнь преуспел, это строительство воздушных замков. Под залог чужих жизней.

- Слушай, я что, разумею по-английски? Я же говорю, мне переводили, я ничего не поняла. Но не суть важно. Главное, чек этот скорее всего настоящий. Мне тут дали ссылку на сайт одной фирмы, они занимаются обналичиванием американских чеков. Щас перешлю. Ну, конечно, какой-то процент на комиссии потеряешь, но блин, лимон баксов, подруга! Обналичивай, не стесняйся. Тут тебе и все алименты не уплаченные, и моральный ущерб за все хорошее. Да за то, как он тебя тогда в больнице бросил, он тебе еще больше должен. Вот потом и потребуешь. У него теперь есть.

Она слушала лепетание подруги, пытаясь уложить в голове информацию, которая там совершенно не хотела укладываться.

- Ало! Эй, миллионерка! Ты там совсем в ступор впала от счастья?

- Чего?

Лариска залилась смехом, так, что даже пришлось отодвинуть трубку от уха - оглохнуть же можно. Весело ей. Тут не-понятно-что происходит, а ей весело.

- Ты давай, возвращайся на землю, чек еще сначала обналичить надо. Я тебе послала ссылку.

- Ага.

- Слушай, я никогда у тебя не спрашивала, но раз уж зашел разговор... Мне всегда было любопытно: а кто отец-то был?

Поняв, о чем ее спрашивают, ее охватило благородное возмущение.

- Дура ты! С*ка! Иди на фиг! Я тебе перезвоню.

Кто отец, кто отец. Ей самой тогда было интересно, кто отец. До тех пор, когда этот вопрос перестал уже быть насущным. И внутри поселилась пустота. И теперь некуда было деться от этой пустоты. А всем вокруг казалось, что ей было совершенно все равно. Даже лучше: мучиться не надо вопросом, кто отец.

Она рванула к компьютеру, копируя с конверта в поисковик его имя. И действительно, как и говорила Лариска, пространства Интернета были усыпаны фотками с его довольной отъевшейся рожой. Он на фоне технологических ландшафтов. В просторном современном офисе с окном во всю стену, за которым красовались иностранные небоскребы. Он в покрытых снегом горах, обнимая сноуборд, с довольной улыбкой на пол лица - и когда это только он успел научиться улыбаться, как американец???

Значит, пока он был с ней, пока она носилась как белка в колесе, воспитывая его детей, все, на что он был способен - это лежать на диване? А теперь у него,

оказывается, открылись таланты? А теперь он у нас миллионер хренов? И думает, чек прислал - и все, грехи замолил, и все забыто? Теперь он, типа, хороший? Откупиться решил? Слишком просто. Не выйдет!

На кухне пресловутый чек, одинокий и заброшенный, обреченно ожидал своей судьбы. Схватив его двумя руками, она уже приготовилась к разрывающему жесту, но тело застыло в нервном спазме. Стук сердца отдавался в висках так, что казалось сосуды вот-вот вырвутся наружу. Мозг кричал что, она - дура, что лимоны баксов на дороге на валяются, что плевать на все, это новая жизнь, а все мужики все равно козлы, их не исправишь, так что нужно брать что дают! А в груди в бешеной истерике билась обида.

Держа чек в одной руке, вытянув ее как можно дальше, она склонила голову на бок. Слегка прищурившись, какое-то время рассматривала его оценивающе.

- Может в рамочку его? - спросила сама себя. Выкурила сигарету. Затем еще одну. Хотела было плеснуть себе вина, но вспомнила свое недавнее близкое общение с фаянсовым изваянием. Поморщилась, смяла чек в кулаке и попыталась запихать его, поруганного, обратно в конверт. Но тонко просчитанная буржуазная гармония линий была нарушена, и листок, что лежал внутри, не позволял смятому прямоугольнику вернуться в свои пенаты. В борьбе за возвращение бумажного статуса кво, она вытащила записку, и вновь уставилась на единственную фразу, что нарушала белизну иностранной офисной канцелярии.

“Я тебя прощаю”, - гласил листок. Гордо вскинув голову и сурово сжав зубы, она показала записке кулак, в котором все еще был зажат несчастный смятый чек. Так и держа его в одной руке, а в другой - конверт с запиской, прошла на балкон, достала оттуда лестницу, прошествовала с ней в коридор. Добралась до антресоли, и долго там шебуршала, пока, наконец, не запихала всю канцелярию в самую дальнюю коробку, до которой смогла дотянуться. Курган забвения для тех, кто не желает помнить. Слезла с лестницы, хлопнула ладонями одна об другую, как будто очищая их от скверны, проникшей вместе со злобной иностранной корреспонденцией и ее провокационным содержанием.

- А я тебя тебя нет! - заявила она антресоли, и гордо прошествовала с лестницей обратно на балкон.

День подходил к середине. Выходной - не выходной, а дел было много, и делать за нее их никто не будет. В конце концов, она не миллионерка.